

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ВИКИНГИ

азбука - классика

Мария Васильевна Семенова
С викингами на Свальбард
Серия «Викинги»

*Текст предоставлен издательством «Азбука»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154684
Викинги: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-91181-230-4*

Аннотация

Мужественные, отважные люди становятся героями книг Марии Семёновой, автора культового «Волкодава», основоположницы жанра «русское фэнтези». В том числе – могучие северные воины, приходившие с моря и не знавшие ни жалости, ни страха смерти. Пестрые паруса их драккаров заметны были издалека. И когда такой парус поднимался над горизонтом, жители прибрежных селений в страхе бежали, спасая свою жизнь. Об их отваге, мужестве, жестокости и ярости ходили легенды. Они жили войной и ради войны. Их хранили суровые асы. Им помогали светлые альвы и темные йотуны. Их души уносили с поля боя златокосые валькирии. Их называли героями и варварами, пиратами и волками Севера. Но сами они звали себя – Викинги.

Содержание

1. Сын и отец	7
2. Никогда не слушай советов матери	10
3. Тролли Железной Скалы	15
4. Викингов никто не застанет врасплох	18
5. Мужские речи	21
6. Вагн не будет прятаться от врагов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария Семенова

С викингами на Свальбард

И кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть.

Снорри Стурлусон

Помни, о Господи, что судно моё так мало, а Твоё море так велико!

Старинная морская молитва

1. Сын и отец

Люди не дали никаких имен тем двум горам на берегу, и Хельги про себя называл их по-своему: Сын и Отец. Отец до середины лета носил на голове снежную шапку, а в холодные годы не снимал её вовсе, и серебряная седина вершины то ярко горела на солнце, то пряталась в облаках. Хельги случалось подниматься туда, и он видел крохотные берёзки, робко выглядывавшие из-под камней. И цветы, что были выше этих березок.

Сын стоял рядом с Отцом, на полшага ближе к морю, словно выдвинувшись из-за родительского плеча вперёд, на простор, навстречу налетающим бурям.

В начале времён горы были великанами; рыжебородый Бог Тор поразил их своим молотом, превратив в неподвижные камни. На закате мира камни вновь оживут, и старшая гора впрямь окажется седым великаном, приведшим в бой юного сына. Хельги был первым из людей, кому эти скалы доверили бережно хранимую тайну. И он никому не собирался её раскрывать.

...Так вот, когда одинокий скалистый островок становился как раз по борту лодки, а Сын и Отец заходили друг за друга, это значило, что внизу раскинулась песчаная банка, изобильная рыбой, и можно вымётывать снасть.

У берегов Раумсдала вот уже несколько дней не было ветра, и парни намаялись с вёслами, пока добирались сюда из дому и ставили ярус. Теперь они спали на дне лодки, на тёплых от солнца гладких досках, усеянных присохшими чешуями, и лишь Хельги, вызвавшийся посторожить, один сидел на носу. И поглядывал из-под ладони на круглые сосновые поплавки, неподвижно лежавшие поодаль.

Глубоко внизу, в холодной прозрачной воде, колебались у дна кованые крючки с нанизанной на них лакомой мойвой. Осторожно шевеля плавниками, подкрадывалась к тем крючкам серебряная треска, жадная зубатка, жирный сплюснутый палтус... Вот уже совсем рядом приманка, вот уже раскрываются рыбы хищные пасти, а сильные тугие тела изгибаются для немедленного броска прочь!

Хельги ясно вообразил себе готовую попасться добычу и даже головой замотал: как бы не сглазить.

Немного погода ему показалось, будто поплавки, увенчанные крашеными лоскутками, начали кивать и покачиваться, колеблемые медленной зыбью, почти незаметно докатывавшейся откуда-то издалека. Потом море вздохнуло поглубже, так, что шелохнулась длинная лодка. Хельги посмотрел вверх и увидел, что солнце окружала бледная радуга. Тогда-то он поднялся и принялся будить спящих парней. Было очень похоже, что где-то там, вдалеке, тяжело ворочался шторм. Незачем ждать, чтобы тучи повисли над головой, а волны принялись хлестать через борта.

Молодые рыбаки наскоро плескали себе в лица забортной водой, стряхивая остатки дремоты, и брались кто за вёсла, кто за крепкие багры с крючьями на концах. Потом потянули ярус.

Толстая плетёная верёвка ложилась кольцами, оставляя мокрые следы на досках. Вот подняли на борт увесистый каменный якорь, и все глаза напряженно уставились в сумрак глубины: ну-ка, что там на крючках? Не пришлось бы краснеть перед насмешливыми девчонками, когда те станут предлагать им, нерадивым, уступить на следующий раз и лодку, и снасть!

Первые несколько крючков и вправду вышли пустыми. Хитрые морские твари будто в издевку объели наживу и ушли себе невредимо. Но вот внизу блеснуло мутное серебро, и Хельги приготовил багор. Рыбина не сопротивлялась, ошеломлённая быстрым подъёмом со дна, но тонкая бечёвка крючка могла не выдержать тяжести. Хельги привычно взмахнул

железным багром – и треска в четыре локтя длиной гулко шлёпнулась на деревянное днище, смазав широким мокрым хвостом по чьим-то босым ногам.

И работа пошла!.. Бездельных, лишних рук не стало на лодке. Вот показалась туповатая голова пятнистой зубатки, намертво закусившей длинное железо крючка: эту надо глушить как следует, зазеваешься – тяпнет за ногу, как злая собака, даже и сапог продерет, месяц будешь хромать...

А вот вынесло наверх плоскую тёмную камбалу чуть не в самую лодку шириной: палтус! Такого красавца и на праздничный стол не стыдно подать жареным или копчёным. В шесть багров затянули вяло трепыхавшегося палтуса через борт, подняли остаток яруса со вторым якорем – и сели на вёсла. Хельги оглянулся назад, в сторону открытого моря: там в небесной голубизне уже забелели верхние края туч. Хельги вытащил из-под кормовой скамьи нарочно отложенный берестяной коробок с хлебом, козьим сыром, луком и варёной треской. Размахнулся и вытряхнул всё это в воду, журчавшую и пенившуюся за кормой:

– Дал ты нам, Эгир, славную рыбу, дай и в следующий раз, когда приедем ловить.

На середине пути к берегу за кормой появилась полоса ряби, устремившаяся вдогон. Ребята живо подняли мачту, и налетевший ветер погнал лодку вперёд. Хельги привычно устроился у кормила: ватажники полагали, что он неплохо с ним управлялся. Он знал, иные завидовали его сноровке, ведь в лодке были парни постарше, – но про себя полагал, что было бы странно, окажись он, сын викинга, на своё пятнадцатое лето увальнем и неумехой.

Волны между тем становились всё выше и круче, иные начинали уже вскипать яростной пеной. Послеполуденное солнце разбрасывало щедрые блики, и солнечные котята играли на синих спинах волн, слепя натруженные глаза.

Время от времени Хельги оглядывался на тучу. С моря подходила гора, начинавшаяся у самой воды, и взгляд не мог охватить её всю целиком – приходилось задирать голову. Холодная, залитая неистовым светом вершина была белоснежной, совсем как у настоящей горы, увенчанной нетающими ледниками. Но каменные горы на берегу были карликами рядом с той, что плыла в небесах, – даже такой исполин, как Отец. Надвигались, меняя свой облик, белые пики, дымчатые красноватые склоны и глубокие пещеры, залитые зеленоватыми сумерками. И подножие, где властвовала синяя тьма, где метались трепетные молнии и море смешивалось с небом... Хельги прикидывал расстояние до берега и радовался, что не промешкал. Поистине красива туча, сулящая бешеный шторм, но лучше любоваться ею с твёрдой земли.

Возле устья фиорда были разбросаны плоские каменные острова, на которых не росло ничего, кроме мха. Иные острова совсем скрывались в прилив. Люди помнили, как на одном из них – Хельги мог бы указать, на котором, – грозный Харальд конунг казнил двоих своих врагов, привязав их к камню во время низкой воды. Видевшие говорили, те двое храбрецов пели боевые песни и подбадривали друг друга, пока не захлебнулись. Хельги бывал на острове, видел камень и мог представить себе, как всё получилось.

Лодка побежала проливом, и волны сразу сделались тише. Вот теперь буря могла лютовать сколько угодно; вошёл в шхеры, считай, что ты уже дома.

Солнце померкло, заслонённое тучей. Хельги увидел, как длинное облако, похожее на боевой корабль, скрыло Сына, ударило в плечо Отца и поползло, извиваясь по кручам... Ледяная вершина ещё какое-то время парила над серым клубящимся туманом. Потом заволжало и её.

А над устьем фиорда с южной стороны нависал чудовищный отвесный утёс, рыжевато-серый, словно тронутое ржавчиной железо. Люди издавна называли его Железной Скалой, и далеко по побережью тянулась недобрая слава об этих местах. Неспроста, наверное, даже вездесущие чайки не строили здесь своих гнезд. Там, наверху, вправду цвели отменные ягодники и рыскала непуганая дичь, но стоило громко крикнуть или протрубить в рог, и

можно было дожидаться обвала. А у подножия скалы зимний лёд получался гнилым и непрочным, горе, если кто пустится мимо на лыжах. И всё это было кознями троллей, тех, что селятся в мёртвой толще камней.

Железный Лес – вот как зовётся самое гнездо ведьм, расположенное на севере, неведомо где; люди полагали, именно оттуда тролли притащили этот ржавый утёс, утвердили возле моря себе на забаву...

Теперь под ним полосой лежало затишье. Первые капли дождя с шуршанием падали в воду. Чистившим рыбу пришлось вытереть руки и снова взяться за вёсла: впереди, за поворотом фиорда, был уже дом.

Хельги направил лодку к северному берегу, туда, где на отлогом склоне виднелся огоженный двор, и почти сразу же увидел у воды мать.

После отца у неё больше не было мужа, не было и других детей, один только Хельги. Оттого-то в свои тридцать две зимы она была ещё совсем молода, стройна и красива. Сва- тались к ней разные женихи, но мать всех прогоняла. Разве мог кто-нибудь из тех, кто звал её к себе жить, сравниться с отцом!..

Мать стояла у самой воды, сцепив на груди пальцы, и набегавшие волны трогали её кожаные башмачки. Хельги поднялся на корме, улыбнулся и помахал ей рукой. Мать боялась моря, и, правду молвить, ей было отчего беспокоиться. Все помнили, как прошлым летом после такой же бури волны выбросили изуродованные обломки корабля и два мёртвых тела, державшихся синими пальцами за мокрые доски... Хельги прислушался к глухому, зловещему рёву, доносившемуся из-за скал. Да, ещё немного, и пришлось бы кидать за борт улов.

Лодка заскребла килем по дну. Молодые ребята выскочили в воду, подтаскивая судёнышко к берегу. Рабы, пришедшие со двора, стали перекладывать добычу в плетёные корзины. Будет вечером овсяная каша, сдобренная жирной тресковой печёнкой, добрая еда, от которой прибывает сил и здоровья!

И все разумные матери сидели себе дома, зная, что сыновья сумеют обмануть бурю и вовремя вернуться домой. Только Хельги обнимал заплаканную женщину, выглядевшую ему сестрой, и гладил её русую голову рукой в налипших чешуях.

– Ладно, будет тебе, – говорил он матери на её языке, зная, что её это утешит. – Полно плакать-то, я же не потонул.

– Дитяtko, – шептала мать, уткнувшись лицом в его загорелую шею. – Дитяtko маленькое... Мстиславушка...

Это было второе имя, доставшееся Хельги при рождении. Так бывает всегда, если мать и отец принадлежат к разным народам.

– Пойдём домой, – сказал Хельги. – Вымокнешь вся.

Когда-то давно, в детстве, квохтание матери сердило и обижало его, да и сверстники во дворе дразнили беспощадно. Но потом однажды он повзрослел и понял, что был для неё единственным родным существом в огромной, чужой и не очень-то приветливой стране. С тех пор он слушал её воркотню, как достойно мужчине, снисходительному к слабости женщин. А кто пытался ему что-то сказать или, хуже того, язвительно посмеяться... что говорить, тот был воистину смел.

Двое старых рабов закатали штаны и принялись отмывать лодку от рыбьей крови, слизи и чешуи...

2. Никогда не слушай советов матери

Отец Хельги купил его мать на рабском торгу в далекой стране Гардаріки. Отец уехал туда из Норэгр вместе с братьями, потому что Харальд конунг тогда сражался за власть и сладить с ним впрямь было непросто. Мать говорила, отец выбрал её только за сходство с некоей женщиной, которую он любил. Хельги полагал, что это была неправда. А если правда, то не более чем наполовину. Отец скоро забыл и думать про злую красавицу, другое дело, норны не насудили им с матерью долгой любви. Мать прожила у него всего лишь девять дней и ночей, а потом он пал в битве от копья, которое пробило ему спину и вышло из груди, и Хельги знал, что мать хотела поехать на его погребальном корабле. Старший брат отца не позволил ей этого и взамен дал свободу. Ей и сыну, который мог со временем появиться.

Теперь братья отца и все их люди снова жили у себя на севере, в Халогаланде, ибо конунг позволил им вернуться в страну. Только Хельги поселился здесь, в Раумсдале, у дальней родни, и с ним мать. Таково было условие мира. И так должно было продолжаться, пока ему, Хельги, не минует пятнадцать зим.

Он долго ждал этого срока, и чем дальше, тем нетерпеливее. Но вот наконец настало нынешнее лето, совсем особенное в его судьбе. Скоро придут с севера два знакомых боевых корабля, и братья отца по обычаю введут его, сына вольноотпущенницы, в свой род.

Хельги нравилось вытаскивать из сундука секиру отца и примеривать к ней руку. В прежних своих битвах эта секира не причиняла ран. Если уж она поражала, то насмерть. Один только раз вышло иначе, но тогда отец просто пощадил врага и ударил его обухом, а не остриём. Людям кажется, пощадить врага порой бывает труднее, чем зарубить. Так поступают мужественные воины. Хельги знал, что должен это запомнить.

А ещё в сундуке хранилась куртка мохнатого волчьего меха, которую отец носил много зим, называя счастливой. Хельги нечасто извлекал её на свет, опасаясь, как бы она по ветхости не развалилась. Мать однажды застала его в ней и сказала, что он сделался очень похож на отца. Наверное, ей просто хотелось порадовать сына, но у него сердце забилося чаще обычного, и он принялся думать, что когда-нибудь эта куртка окажется ему как раз впору... а может, даже чуть-чуть узковата в плечах...

У Эйрика Эйрикссона, хозяина двора, не было своих сыновей: только дочки, давно вышедшие замуж. Вот он и радовался Хельги точно родному. Через несколько дней, когда шторм поутих и в небе проглянуло солнце, он подозвал Хельги и сказал:

– Съезди-ка ты пригласи сюда Кетиля Аусгримссона. Ведь скоро твой праздник.

Кетиль Аусгримссон, зять старика, жил совсем недалеко, в соседнем фиорде. Хельги бывал у него и хорошо знал дорогу.

Прошлым летом к Эйрику приезжали корабельные мастера; они строили для него кнарр, морскую торговую лодью. Любопытный Хельги тогда подружился с мастерами и под их приглядом сам вытесал себе лодочку, быструю, прочную, хорошо слушающуюся руля. Он часто ходил на ней по фиорду и на острова. И теперь он по привычке направился было в корабельный сарай, но мать остановила его:

– Не надо на лодке, Мстиславушка... Поезжай, дитяtko, лучше верхом.

Хельги нахмурился.

– Морем ближе, только Железную Скалу и обогнуть. А на лошади, это же два дня добираться.

Мать не стала с ним спорить, но лицо у неё сделалось такое несчастное, что Хельги понял – придется в очередной раз уступить. Ладно, совсем скоро они поедут на север, в Халогаланд, и он будет ходить в походы вместе со старшим братом и дядей. Тогда-то ей

останется только бояться за него и глядеть в море с высокой горы, ожидая возвращения корабля!

Всё ещё ворча про себя, он вывел из конюшни буланую кобылку, на которой обычно ездил, и положил ей на спину мягкое кожаное седло. Мать подошла к нему, держа в руках вязаную шерстяную рубашку. Правду сказать, рубашка была старая и вся изорванная, потому что Хельги ходил в ней охотиться; но толстая мягкая шерсть хорошо сохраняла тепло, и мать раз за разом латала её: не простыло бы дитя неразумное на высоких вершинах, где искрится лёд и лежат холодные снежники...

– Я не хочу ехать в этой рубашке, – сказал Хельги сердито. – Я в ней похож на слугу. Дай мне лучше ту крашеную, с вышитыми рукавами!

Мать ответила, улыбнувшись:

– Крашеную я положила тебе в сумку, чтобы не помялась в дороге. Ты наденешь её, когда будешь подъезжать ко двору. Тогда Вальбьёрг увидит тебя в ней и подумает, что к ним приехал сын воина, а не какой-нибудь работник.

Вальбьёрг – так звалась румяная ровесница Хельги, воспитанница Кетиля Аусгримссона. Хельги покраснел и выдернул у матери рубашку. Мудра всё же была мать и хорошо знала, как вести себя с сыном. Правда, ещё какой-нибудь год назад его больше обрадовала бы похвала из уст самого Кетиля, а Вальбьёрг была всего лишь несмышлёной девчонкой, и её похвалы или насмешки значили меньше, чем шорох ветра в прошлогодней траве...

Двор Эйрика Эйрикссона назывался Линсетр – Место, где выделывают лён. Покинув его после полудня, Хельги переночевал в лесу и двинулся дальше с рассветом, совсем рано, когда солнце подсвечивало снизу медленно проползавшие тучи. Наверное, ласковые пальцы лучей щекотали тучам бока: тучи краснели и золотились от удовольствия и казались мягкими, как невесомый гагачий пух. Хельги знал, что они притворялись. Самую первую тучу Боги вылепили из мозгов поверженного великана. Потому-то облакам нельзя доверять. День обещал быть жарким, но того и гляди шагнёт из-за горы холодная тень, ударит режущий ветер, сыпанёт дождь, если не снег...

Коротая дорогу, Хельги время от времени вытаскивал меч и со свистом рубил ветви ближних кустов. Мать рассказывала, самые отчаянные викинги её родины не только приезжали верхом к месту сражения, но и бились не покидая седла. А не дело воину пренебрегать лишним умением, хотя бы самым диковинным. Буланка только стригла ушами и бежала дальше, давно привыкшая к выходкам седока.

Конечно, меч у Хельги был совсем не такой, как те, что носили прославленные мужи вроде дяди и брата. Хорошие мечи отнимают у побеждённых врагов или покупают за серебро, привезённое из похода. Или получают в подарок от великих вождей. Или выкапывают из древней могилы. Или сами куют в кузнице у хорошего мастера, это тоже почётно.

Хельги непременно добудет себе такой меч, когда его введут в род. И так уже он вполне достаточно отсиживался в Линсетре возле материной юбки, в то время как другие парни ходили на боевых кораблях начиная с двенадцати зим!..

Хельги думал нынче пополудни обогнуть вершину фиорда, а завтра утром постучаться в ворота Кетиля Аусгримссона. Денёк выдался солнечный, и он сперва разделся до пояса, а потом, пожалев безропотную Буланку, слез с седла и повёл её в поводу. Викинг должен уметь ходить целыми днями не зная усталости. И бегать быстрее всяких коней.

Ещё немного погодя ему показалось, что вполне можно было обойтись без сапог. Он разулся, и сразу стало веселее шагать, и подумалось, что праздник, ожидавший его через несколько ночей, впрямь должен был состояться. Исполинская зеленоватая чаша фиорда лежала по правую руку; горы на том берегу стояли по колено в воде. Быстрые облака скользили по склонам, заросшим корабельными соснами, и тени скатывались по кручам, стремительно падая в воду. Чистый воздух позволял видеть все камни вершин, а далёкие хребты

уходили в синюю дымку, поднимаясь выше и выше, и Хельги в который раз позавидовал морским орлам, кружившимся над фиордом. Им ведь ничего не стоило развернуть могучие крылья и взмыть в небо, в синюю бездну, откуда видны разом все пределы земли... Хельги нравилось смотреть на фиорд. Он никогда не пытался облечь это в слова, но сердце само собой начинало стучать гулко и часто, и что-то мучительно и блаженно напрягалось внутри. Однажды он спросил мать, так ли хорошо было на её родине, в Гардарики. Мать вздохнула, отвела глаза и ответила:

– Много краше...

Хельги изумился этим словам, потому что как раз стояла ранняя осень и землю на каждом шагу расшивали искусные мастерицы, окрасившие свои нитки ярким ягодным соком, алым, тёмно-зелёным, лиловым и золотым!..

Он долго пытался вообразить красоту той далёкой земли, где когда-то затеплилась искорка его будущей жизни... а потом понял, что мать всё равно ответила бы именно так, даже доведись ей родиться на плешивом каменном острове, где нет ничего, кроме серых валунов.

С тех-то пор он стал усердно говорить на её языке. А потом пошёл в капище и поклялся на священном кольце, что когда-нибудь, став вождём, отправится в Гардарики. И не просто пойдёт сам, но ещё возьмет с собой мать...

Наверняка ведь её порадует такая поездка.

Шаг у Хельги был размашистый, и к полудню впереди открылась вершина фиорда с её песчаным бережком и тростниками в устье стремительной речки. Эта речка падала с нагромождения скал, и kloкочущий водопад не замерзал даже в самые студёные зимы, лишь камни вокруг обрастали причудливыми кружевами. Русло реки пролегалo по широкой долине, а дальше был перевал, открывавший дорогу в глубь страны. Этой дорогой старый Эйрик обычно ездил на тинг. Хельги пригляделся: через перевал медленно ползла туча, неповоротливая, сизо-белая, взбитая ударами ветра.

Хельги любил эту долину. Не в первый раз смотрел он на неё и всегда воображал себе битву Тора с великанами, и как какой-нибудь смертельно раненный исполин полз умирать к океану, в муках волоча своё тяжёлое тело и расталкивая коленями горы, словно кучки песка...

Скоро им с матерью придёт пора собираться на север. Хельги ещё никогда там не бывал, но знал по рассказам, что в Халогаланде тоже были и водопады, и сверкающие вершины, отражавшиеся в фиордах, а сами горы выглядели куда круче и неприступнее здешних. Но он всегда будет здороваться с моря со знакомым фиордом Линсетра, и на душе станет делаться тесно и тепло, когда над горизонтом плечом к плечу вырастут Сын и Отец...

Двор Кетиля Аусгримссона стоял на южном берегу соседнего фиорда; два морских залива разделял длинный мыс, кончавшийся Железной Скалой. И если говорить правду, люди предпочитали не заглядывать туда без нужды. Если бы у Железной Скалы спрятался человек, изгнанный за худые дела, даже кровные мстители не поторопились бы искать его на мысу. Все помнили: такое уже случилось однажды. В первую же ночь через фиорд долетел отчаянный крик, и люди поняли, что это оборотни поймали беглеца и сожрали на ужин...

Хельги был не из трусливых и притом носил на груди оберег, но на мысу ему было нечего делать. Он пересечёт его у самого основания, там, куда как раз падала тень вершины Отца. Потом выберется на полуденный берег Кетилева фиорда и стреножит на ночь коня.

А день удался жарким необыкновенно – как бы на ночь глядя не налетела гроза! Хельги ещё завернул к пастухам, что стерегли скот на зелёных горных лугах. Тропа вывела его к продолговатому белому камню, поставленному торчком; раньше такие камни называли Мёрнирами, и бездетные клали им богатые жертвы. Эта вера давно пошатнулась, да и рановато ещё

было Хельги думать о детях... но всё же он вытащил из сумки лепёшку, разломил надвое и оставил половинку у подножия камня. Пусть мир и урожай пребудут в Линсетре!

Псы с лаем выскочили навстречу, но скоро признали Хельги и долго извинялись, виляя хвостами. Молодые рабы, не державшие зла на хозяйского воспитанника, встретили его приветливо, налили кислого молока и тут же пустились спорить, каких коров следовало зарезать для пира. Ибо халейги явятся в Линсетр самое малое двумя кораблями – это же какая уйма народу, и хоть бы один не горазд был крепко выпить и вкусно поесть!..

Когда Хельги распрощался с ними и двинулся дальше, он скоро обнаружил, что мухи, больно жалившие коров, привязались и к нему. Он взмок от жары, и крылатые твари липли к потному телу, стремясь полакомиться кровью. Хельги сломал молодую березовую ветку и отмахивался, пока не превратил её в ободранный прут. И поскольку мухи не отставали, он решил, что неплохо бы выкупаться, смыть с себя пот.

Перед водопадом речка разливалась в круглое озерцо шириной в полсотни шагов. Речка текла с ледников, её вода определенно была холоднее, чем в нежившемся под солнцем фиорде, и Хельги решил, что купаться стоило именно здесь.

Он постоял на берегу, вслушиваясь в размеренный рёв падуна. Вода была настолько прозрачной, что сквозь толщу в рост человека виднелась скала – поток переливался через неё сплоченной струей, ещё не успевшей вспениться и раздробиться.

Здесь любили играть залётные чайки. Ловкие птицы садились на воду почти посередине озера и сидели спокойно, пока течение не подносило их к самому краю. И лишь когда поток, казалось, готов был утащить их с собой и расшибить о камни внизу – расправляли белые крылья и взмывали высоко над бешено kloкочущей пеной, на зависть всем, кто не умеет летать.

А что здесь будет твориться попозже летом, когда двинется на нерест пятнистая красавица сёмга и могучие рыбыны длиной в две распахнутые руки начнут взвиваться над водопадом, тяжело бухаясь в озерко и грозя совсем выплеснуть его из каменной чаши!..

Хельги расстегнул пояс, скинул штаны и нагишом ступил в воду. Обкатанные камешки переворачивались под босыми ступнями. Холодная вода защекотала разгорячённое тело, и Хельги захохотал во всё горло, бросаясь вперёд. За шумом падуна он почти не услышал собственного смеха.

Может быть, нынче он купался тут в самый последний раз...

Хельги немалое время плескался в воде, то отдаваясь течению, то быстрыми взмахами удаляясь от водопада. Эта игра была опасной и нравилась ему, и матери о ней рассказывать он не собирался. А когда наконец он решил выйти на берег и поделиться с Буланкой последней захваченной из дому лепёшкой – он увидел, что Буланка была на берегу не одна.

Лес здесь подступал почти вплотную к воде, а рокот порога не дал ему расслышать голоса и звон железных стремян. Поэтому всадники, подъехавшие со стороны перевала, заметили Хельги раньше, чем он их.

Их было человек тридцать, если не больше. Все крепкие мужчины и суровые с виду. У каждого висел при седле круглый деревянный щит, многие везли луки и колчаны, полные стрел.

Так снаряжаются в дорогу не для того, чтобы проведать друга или сосватать девушку в жены повзрослевшему парню...

Хельги огляделся и понял, что попался. Он мог, конечно, переплыть озерцо и кинуться удирать. Но лошади легко перенесут чужаков через брод и он не успеет скрыться в лесу... вот ведь незадача, а всё потому, что он послушался матери и отправился к Кетилу сухим путем!

Один из всадников, бородатый, в нарядном полосатом плаще, подался вперёд и приложил ладони ко рту.

– Эй, малый! – прокричал он, без труда перекрыв шум реки. – Поди-ка сюда!

Делать нечего. Хельги выбрался из воды и поспешно натянул штаны, с трудом просушив ноги в складки грубой шерстяной ткани, облепившей мокрое тело. Застегнул ремень с ножнами и почувствовал себя немного уверенней. Совсем ненамного. Набрал полную грудь воздуха и пошёл навстречу незнакомцам.

– Я тут старший, и зовут меня Гиссуром Сигурдарсоном, – сказал ему всадник. – Ты, парень, верно, здешний и знаешь, по какой тропе ездят в Линсетр. Эйрик ждет нас пировать, да мы тут малость сбились с дороги.

Гиссур Сигурдарсон... Хельги сразу же показалось, будто он слышал это имя. Он принялся рыться в памяти, стараясь припомнить, и припомнил-таки, о чём рассказывал старый Эйрик прошлым летом после поездки на тинг. Этот Гиссур часто ездил по населённым дворам и заставлял кормить себя и своих молодцов. И мало где его провожали пожеланиями скоро вернуться. Тогда на тинге многие хотели совсем объявить Гиссура вне закона, но Гиссур принялся щедро раздавать серебро и отделался простым трёхлетним изгнанием, да пообещал навестить Эйрика и других, кто говорил против него...

– Ну так что, парень? – повторил Гиссур, и Хельги очень не понравилось, как шевельнулись при этом его усы. – Проводишь ты нас, или нам поискать кого-нибудь ещё?

...И о чём только не передумал Хельги в этот единственный миг! Если он откажется их проводить, они же зарубят его на месте. А может, прежде ещё пожарят ему пятки возле костра. И уж как-нибудь отыщут дорогу, обойдётся без него. Достаточно будет расспросить пастухов, которых они найдут по его же следам. И неоткуда знать, успеют ли рабы разбежаться.

А если он их поведет, кто сказал, что он сумеет предупредить Эйрика и домочадцев? Хельги так и увидел жирный дым над знакомыми крышами Линсетра и мать, отчаянно бегущую к берегу. Вот она спотыкается, и Гиссур ловит пятерней её длинные косы. Усмехается, наматывает на кулак...

Весь этот ужас промелькнул перед Хельги гораздо быстрее, чем можно про то поведать словами. Столь быстро, что Гиссур ничего не заметил, – так просто, напуганный несообразного парня, застигнутый без штанов и оттого слегка ошалевший...

А Хельги между тем уже понял, как следовало поступить. Каждый когда-нибудь умирает, но никто не попрекнёт мать, что она, обнимавшая храбреца, родила и выкормила труса.

– Я тебя провожу, Гиссур хёвдинг, – сказал он и постарался улыбнуться как можно дурашливее. – Нам с тобой по пути, я ведь и сам еду к Эйрику в Линсетр. Мой хозяин Кетиль послал меня передать, что заболел и не приедет на пир.

Спасибо матери: в этой драной рубашке его действительно легко было принять за слугу...

Когда лошади отдохнули и Гиссур велел трогаться дальше, Хельги поехал с ним рядом, впереди всех. Умолк позади водопад, и он уверенно свернул по едва заметной тропе на незаселённый мыс, тот самый, завершавшийся далеко в море Железной Скалой.

3. Тролли Железной Скалы

...Вот и кончилось для него ожидание праздника, кончилось ожидание счастья, которое, если хорошенько подумать, есть уже счастье. Придут корабли, и Эйрик Эйрикссон расскажет халейгам о судьбе племянника и брата. Он ведь будет знать, что к чему.

Задуманное Хельги было просто, как древко копья. При устье фиорда, напротив Железной Скалы, день и ночь бодрствовали внимательные сторожа. Мелькнут недобрые паруса, и мигом вспыхнет костёр, яркий, дымный, хорошо видимый из Линсетра и с Кетилева двора...

Погибший отец видел всего лишь двадцать семь зим. Хельги досталась жизнь почти вдвое короче, но людям запомнится, что это был всё-таки сын.

– Не слишком наезжено! – сказал Гиссур, когда сворачивали на мыс. – К такому двору, как Линсетр, могла бы вести дорога пошире!

У Хельги ёкнуло сердце, но он вновь принудил себя улыбнуться и ответил чистую правду:

– Надобно тебе знать, мы здесь ездим на лошади по большей части туда, куда нет морского пути.

Гиссур окинул его подозрительным взглядом:

– А ты почему отправился посуху?

Хельги соврал почти не задумываясь:

– Люди называют меня Хёгни-Зубатка, и ты сам понимаешь, что я не ем эту рыбу и всегда отпускаю её, когда она попадает на крючок. Но вчера я нечаянно отведал ухи из зубатки и должен повременить ходить в море, а то как бы моя тёзка ещё не вздумала мне мстить!

Потом дорога вовсе сошла на нет, и под копытами коней зашуршала мертвая хвоя. Было так тихо, что Хельги поневоле прислушался: уж не крадутся ли между деревьями косматые горбуны, спешащие к нежданной поживе?.. А может, тролли притворяются соснами? И когтистые ветви протянутся к путникам, лишь только солнце опустится за горизонт?..

Гиссур начал оглядываться.

– Не нравится мне эта тропа! – сказал он зло. – Сплошные откосы! Я никогда не поверю, чтобы здесь не было лучшей дороги. Ты уверен, что едешь правильно, Хёгни-Зубатка?

Дело было к вечеру; Хельги вёл их южной стороной мыса, так как с северной уже должен был открыться Линсетр. Кто знает этого Гиссура, чего доброго, разглядит корабль Эйрика или его самого, если старик будет в той же одежде, в которой ездил на тинг... Хельги ответил:

– Твоя правда, есть тропа и по северной стороне. Но там можно пройти только пешком, и однажды там видели старуху, ехавшую на волке.

И добавил:

– Мне нравится, что мы с тобой повстречались, очень уж недобрые это места, особенно по ночам.

Гиссур пробормотал что-то в бороду и не стал никого посылать искать другую дорогу.

– Ты вот что, малый, – сказал он погодя. – Видишь серые перья у того парня в колчане? Немногие стреляют метче него...

Хельги промолчал.

Ночью ему плохо спалось на мягкой траве возле костра. Время от времени он приоткрывал глаза и видел Гиссура, лежавшего неподалеку. Тот тоже спал скверно – то и дело вскидывался на локте, прислушиваясь к шорохам ночи. Навряд ли этот человек когда-нибудь боялся врага. Но против троллей, рыскающих во тьме, требовалось мужество древнего

Хёгни, чьим именем Хельги назвал себя накануне. А тот Хёгни был способен смеяться, когда у него у живого вытаскивали сердце из груди.

Что поделаешь, Хельги тоже покрывался испариной, и внутри начинало противно урчать, стоило вообразить всадниц-ведьм верхом на ощеренных волках, со змеями вместо удил... Как выдержать, когда схватят за горло, вонзят когти в живот?.. Однако увидеть Линсетр горящим было страшней...

Хельги проснулся оттого, что кто-то вырвал у него из-под ладони ножны с мечом. Дернувшись спросонья, Хельги схватил рукой воздух, потом сел, продирая глаза. Он увидел свой меч в руках у одного из воинов: тот не торопясь осмотрел простое железное лезвие, потом приторочил ножны к седлу.

– Отдай!.. – сказал Хельги хрипло. Ему ответил сам Гиссур:

– Отдаст, когда приедем. А если заслужишь, подарим другой, получше.

Это можно было понять двояко. То ли пообещали награду, то ли пригрозили убить. Стало быть, он умрет безоружным, и Один задумается, пускать такого в Вальхаллу или не пускать!..

– Долго ещё ехать? – спросил Гиссур.

– Ты увидишь Линсетр нынче после полудня, – пообещал ему Хельги. – А если не будешь устраивать привала, то и пораньше.

Гиссур стиснул кулак, поросший короткими тёмными волосами.

– Не нравится мне всё это, парень! Другие люди рассказывали, что дорога гораздо короче!

Хельги впервые огрызнулся:

– Эйрик живет у самого моря, потому что там удобная бухта. А если тебе не нравится, как мы едем, звал бы в провожатые тех других людей, не меня. Я ведь не напрашивался!

– Не перечь мне, щенок, не то останешься без зубов, – посоветовал Гиссур. – Мы теперь и без тебя не проедем мимо Линсетра. Будешь много болтать, привяжу тебя к дереву и оставлю здесь троллям, и пусть Эйрик или кто ещё там разыскивает тебя, если у него скоро не прибавится иных хлопот!..

Хельги на это смолчал, но про себя подумал, что за ночь духи мыса не прибавили Гиссуру уверенности в себе.

...Он издали наметил себе эту прогалину, и во рту пересохло, а сердце заколотилось у горла. Последний, непоправимый шаг всегда труднее других.

Буланка шла по-прежнему неторопливо, и Хельги не трогал поводьев. Лишь возле крайнего дерева он вдруг ударил её пятками, и лошадь скакнула, вынося его на открытое место.

Там, за провалом фиорда, хорошо видна была куча дров, заботливо уложенная на каменной площадке. Трое парней возле поленницы что-то высматривали в море... Они стояли спинами к Хельги. И тогда он сунул в рот два согнутых пальца и свистнул оглушительно и замысловато. Такой свист он перенял у брата, брат же выучился ему в Гардарики, у каких-то лесных финнов, передававших свистом новости от поселения к поселению, за полдня пути... Привычная Буланка и та испуганно присела на задние ноги, а лошади двоих всадников, выезжавших на прогалину следом, шарахнулись прочь так, что затрещали кусты. Хельги успел заметить, как ребята на той стороне одновременно обернулись... и кубарем покатился со спины верной Буланки, в густые мелкие сосенки, куда не было ходу верхом! Это только чужая жизнь бывает в цене или не в цене. Свою собственную никому не охота отдавать так просто, без выкупа, без отчаянной попытки спастись.

Хельги скоро понял, что рассвирепевший Гиссур намерен был сполна ему отплатить. Мыс здесь превращался в голый каменный перешеек, увенчанный Железной Скалой; на беду, с той прогалины больше некуда было бежать. Зато Гиссур живо смекнул выстроить

всадников цепью, и они погнали прятавшегося Хельги, как вепря, которого охотники вываживают из густых тростников и привечают острым копьем... Хельги крадучись отступал до самого края подлеска, а потом рванулся и побежал. Его заметили без промедления. Стрелы начали посвистывать совсем рядом, ломаясь о камни. Один раз Хельги оглянулся через плечо. На той стороне вздымался в утреннее небо маслянистый столб чёрного дыма, а всадники спешили, добравшись до валунов. Больше он не оборачивался. Он бежал к Железной Скале. Страшное место вдруг подарило ему неверный отблеск надежды: если он прыгнет с вершины и сумеет остаться в живых, Гиссуровы молодцы навряд ли спустятся за ним по крутизне. На памяти людей Железная Скала не покорялась ещё никому...

Хельги мчался вверх отчаянными скачками, напрягая все силы. Его шаги звенели над самыми пещерами троллей, и те в ярости просыпались, готовые сожрать смельчака. Хельги слышал лязг когтей в полушаге у себя за спиной. Но вот наконец и макушка скалы: всё, дальше пути нет. Ноги подламывались и стонали. Он подошёл к краю и посмотрел вниз, сквозь полоску тумана, медленно завивавшуюся вокруг каменного ребра... Чайки с криком проносились далеко под ногами. Хельги никогда не боялся высоты, но голова закружилась. Там смерть.

Прежде чем умереть, он окинул взглядом морской горизонт. Вблизи Железной Скалы не было островов, они будто расползлись прочь от зловещего камня; зато поодаль – и это на миг приковало внимание – стоял на якоре длинный боевой корабль. Совсем чужой, незнакомый тёмно-синий корабль. Верно, его-то и рассматривали зоркие сторожа, ожидая, не вздумают ли отоспавшиеся викинги заглянуть в фиорд...

Стрела с визгом рванула штанину возле колена. Гиссуровы люди быстро приближались, прыгая с валуна на валун. Брошенные кони бродили у края подлеска. Была между ними и Буланка.

Хельги не стал пригибаться от стрел. Он повернулся к преследователям и вызывающе хлопнул себя ладонью пониже спины. А потом разбежался, как всегда это делал, прыгая со сверстниками в воду. Яростно оттолкнулся от края – и полетел вниз!..

4. Викингов никто не застанет врасплох

Темная в ржавых подтеках стена понеслась мимо, сливаясь в стремительные полосы. Ринулись навстречу скользкие зубы камней и пятна тёмной воды между ними. Тускло мелькнула и сгнула последняя мысль: успеть бы выпрямить ноги...

Холодная водахватила обухом по рукам и затылку и погасила сознание, вышибив воздух из груди. Хельги глубоко ушёл в зелёную темноту и едва не захлебнулся, всплывая к поверхности. В глазах было черно. Ему бы спрятаться в расколотых скалах, притвориться погибшим... но вместо этого он вяло поплыл прочь, в сторону моря. Он скоро понял свою ошибку. Стрелы начали взбивать бурунчики вокруг его головы, подбираясь всё ближе. Тогда Хельги собрал последние силы и принялся нырять, зная, что стрелы, пущенные издалека, ослабевают в воде. Ему всё ещё везло. Некоторое время спустя стрелы стали редеть, и лишь одна, может самая последняя, пребольно ударила в плечо повыше левой лопатки, но и та не утопила, не вошла глубоко. В конце концов она сама вывалилась из двигавшегося тела и повисла, запутавшись в рубашке... Хельги нырнул ещё раз или два, потом приподнял голову над водой.

Железная Скала уже порядочно отодвинулась, и люди на ней стояли с опущенными луками, не желая зря опустошать колчаны. Хельги ощущал раненое плечо, выплюнул воду изо рта... Они, конечно, не дадут ему выплыть ни к сторожам, ни на Кетилев берег. Были, правда, ещё острова в море и матёрая суша за мысом, недостижимая для стрел. Но недавний шторм как назло перемешал воду у берега, нагнав холодную из придонной пучины. Он застынет в ней, не доплыв...

Тогда-то Хельги вспомнил о корабле, увиденном сверху.

Похоже, викинги плоховато знали здешние берега и опасались коварства течений. Они остановились вдали от островов и наверняка промерили глубину, чтобы не напороться на камни. Скорее всего, они бросили якорь ночью и после тяжёлого перехода – на корабле совсем не было видно людей, лишь у кормы торчала из-за борта светловолосая голова. Кто-то бодрствовал в одиночестве, охраняя спящих друзей.

Боевая лодья безмятежно лежала в зеркале моря, залитая тихим утренним солнцем, и даже носовой дракон был снят из уважения к духам фиорда...

Хельги плыл, стиснув зубы и стараясь больше грести правой рукой. В глазах то и дело начинало снова темнеть, как будто он действительно собирался утонуть здесь Гиссуру на потеху. Эта мысль подхлестывала остывавшую волю, и смолёный борт медленно приближался. На счастье, как раз был отлив: течение несло Хельги, дружески помогая. Он уже слышал, как журчали и переговаривались возле корабля медленные спокойные волны.

Кудрявый парень внимательно наблюдал за ним с высокого кормового сиденья, глядя пушистого белого кота, пригревшегося на коленях. Когда Хельги подплыл совсем близко, он спустил кота с колен и положил локти на борт. Он сказал, весело щурясь:

– Это корабль Рákни сына Рáгнара, морского конунга из Северного Мёра, а мы его люди, и никто не станет хвастаться, будто застиг нас врасплох.

Глаза у него оказались голубые, необычно яркие на продубленном лице, которое было много темнее бороды и волос. И смешливые: человек с такими глазами навряд ли отрубит руку, уцепившуюся за борт. По крайней мере, Хельги так показалось.

– Возьми меня на корабль!.. – прохрипел он с отчаянием, чувствуя, что теперь уже точно не продержится долго. И добавил для верности: – Не то я решу, что ты меня испугался!..

Викинг молча перегнулся через борт, и Хельги успел увидеть у него на ладони чёрные от вьёвшейся грязи, окостенелые мозоли гребца. Хельги упёрся коленками, и викинг извлёк

его из воды одним могучим рывком, каким, наверное, привык вытаскивать якорь. Перенеся через борт, он поставил Хельги на палубу... и тут же, не дав оглядеться, почти без замаха ударил его по зубам, так, что Хельги растянулся в проходе между скамьями.

– Это, – сказал воин, – чтобы ты не думал, будто Ракни или его хирдманны однажды кого-нибудь пугались.

По правде говоря, удар был нанесён без лишней жестокости и уж наверняка не во всю силу... но на нагретых солнцем палубных досках оказалось так покойно и хорошо, что Хельги совсем расхотелось не то что вставать – даже и открывать зажмуренные глаза... Лежать бы так да лежать. Викинг зря ударил его, достаточно было отпустить руку, и он свалился бы сам.

– Будет тебе, Ёттар!.. – долетел другой голос, густой, как смола, и явно привыкший распоряжаться. – Думается, ему и так немало досталось.

Хельги всё-таки приподнял слипавшиеся веки. Мокрые ресницы радужно дробили свет, и в этой радуге весёлый Оттар стоял, подбоченившись, у себя на корме, а белый кот с рыжим пятном на спинке тёрся, громко мурлыча, о его сапоги.

Хельги лениво поискал взглядом второго из говоривших, вскоре нашёл его и понял, что это был сам вождь. Только слепой и глухой не выделил бы его среди всех – сидящего морехода с лицом почти бурым, как форштевень много плававшего корабля, и глазами неистовой зоркости, от которых не укроется ни риф в штормовом море, ни парус, появившийся из-за мыса... Старым воином его можно было назвать. Стариком назовут ещё через двадцать зим, а может быть, и попозже.

Он, видно, только что проснулся и с любопытством разглядывал мокрого и взъерошенного Хельги, от одежды которого по палубе разбегались струйки воды.

– Так это ты и есть Ракни сэконунг, о котором у нас здесь столько разговоров... – негромко сказал ему Хельги. – А я-то думал, твои люди не ищут лёгкого верха, нападая на раненых. И предупреждают, прежде чем бить...

Ракни усмехнулся: дерзкие слова его забавляли.

– Я не вижу здесь раненых, – ответил он спокойно. – Разве что слегка поцарапанных. А есть враги, которых незачем предупреждать, ибо иначе их пришлось бы долго ловить. Вставай, парень, да выжми хорошенько штаны, пока не простыл! И рассказывай, кто ты таков и от кого удирал.

Хельги ещё раньше показалось, будто от удара о палубу у него что-то хрустнуло за левым плечом. Поднявшись, он пошарил рукой и достал надломленную стрелу. Мельком взглянул на серые перья и выкинул стрелу за борт. Тяжёлый кованый наконечник сразу утащил её вниз. Хельги стянул рубашку, и морская соль въелась в плечо.

– Меня назвали по отцу, потому что я родился после его гибели, – сказал он вождю. – Моим отцом был Хельги сын Виглафа сына Харальда из Торсфиорда, что в Халогаланде.

Он ждал чего угодно, но не того, что последовало. Ракни приподнялся на локте и захохотал во всю мочь. Хельги стоял с рубашкой в руках и чувствовал, что неудержимо краснеет.

– Стало быть, – сказал конунг, – славный Халльгрим Виглафссон тебе дядя? А Вигда, сын его, – твой брат?

Хельги покраснел ещё больше и кивнул:

– Это так.

Ракни покачал головой.

– Немало я видел беглых рабов, и все они ввали по-разному, но ни у одного не хватало наглости причислять себя к подобному роду. Ты, лгунишка, не знаешь даже того, что младший сын Виглафа погиб неженатым. Скажи-ка лучше, почему тебя ловили и хотели убить? Ты что, поджёг дом или поцеловал хозяйскую дочку? Да отвечай правду, пока я не надумал выкинуть тебя обратно в воду.

Хельги напрягся всем телом и выговорил отдельно:

– Хельги Виглафссон купил мою мать у торговца, но я родился уже сыном свободной. Халльgrim и Видга скоро приедут сюда, чтобы ввести меня в род. Если ты подождешь день или два, ты и сам сможешь в том убедиться.

Тут Ракни и Оттар обменялись быстрыми взглядами, но Хельги не заметил. Ему показалось, что он внезапно оглох, а потом вокруг начало быстро темнеть. Он ещё выпрямился, пытаясь справиться с дурнотой, но это не помогло.

Он не видел, как склонился над ним веснушчатый рыжий верзила, у которого волосы надо лбом были почему-то короче всех остальных. Этот человек стащил с Хельги сапоги и штаны, умело промыл плечо. А потом завернул голого парня в необъятную овчинную куртку и уютно устроил под скамейкой гребца.

Ракни скинул одеяло, пошёл умываться. Оттар поднял из-за борта кожаное ведёрко воды, полил ему на руки:

– Как ты намерен поступить с мальчишкой, отец?

5. Мужские речи

Ещё с закрытыми глазами Хельги почувствовал тяжёлый размеренный ритм, приподнимавший то нос, то корму. Так качает только открытое море. Странное дело, Хельги совсем не помнил праздника, а ведь это явно был боевой корабль, и он ехал на нём в Халогаланд! Хельги пошевелился, потягиваясь, и вместе с болью в плече точно молния высветила в памяти всё, что с ним произошло. Он рванулся спросонок, ударившись затылком о дубовую скамью, и это окончательно вернуло его к действительности. Тогда он открыл глаза и осторожно приподнялся.

Пасмурное небо касалось мачты, зная, жара надоела не только людям, но и Богам. Судя по всему, стоял уже вечер, и над палубой несло капли дождя и брызги, туманом садившиеся на лицо.

Попутный ветер и отлогие волны баловали корабль. Один из викингов рассказывал что-то забавное, устроившись на носу; Хельги со своего места не слышал рассказа, только обрывки замечаний и смех. Двое других сдвинули колени и переставляли резные фигурки по клетчатой игральной доске. Фигурки, снабжённые снизу шпёнками, не скатывались. Десяток любопытных окружал игроков. Иные взобрались на самый борт и сидели на ребре мокрой доски над близкой колышущейся водой, помогая советами. Так другие люди сидят дома на лавке. Хельги не удивился. Странно было бы, начини эти люди вести себя по-иному.

Рыжий малый, клевавший носом на соседней скамье, повернул голову и увидел, что Хельги проснулся. Он сказал ему:

– Дия'с Майрэ дуйт!

– Что?.. – спросил Хельги изумленно. Рыжий усмехнулся:

– Я сказал, да пребудут с тобой Господь и Мария. А ты мне должен ответить: дия'с Майрэ дуйт агус Падрайг, да пребудут Господь и Мария с тобою и с Патриком.

Пошарив возле себя, он протянул Хельги сверток:

– Одевайся... высохло на ветру.

Хельги подумал немного и понял, что встретил ирландца. Штаны и рубашка оказались сухими и теплыми, видно, кто-то позаботился о них ещё до дождя. Хельги затянул тесёмки на сапогах и спросил:

– Куда идет этот корабль?

Ирландец опять усмехнулся:

– Тебя, верно, в первую голову интересует, что будет с тобой. Так вот, Ракни конунг решил взять тебя в плавание, поскольку парень ты крепкий, а Кольбейн Лошадиная Грива напился пьяным и утонул, и людей на корабле не хватает. Ракни сказал, тебе полезно будет проветриться. А идём мы... Слышал ты когда-нибудь про Свальбард?

Свальбард!.. Холодные Берега!.. Хельги проговорил медленно:

– Кто как, а в нашем роду верят, будто вправду есть на севере такая земля. Мой дед Виглаф мечтал её повидать. Это в Утгарде, за краем мира. Там живут великаны.

Ирландец пригладил растрепавшиеся волосы и захохотал:

– Близко ты расположил край мира, приятель!.. Впрочем, это всегда так получается: пока кто-то один делает дело, остальные гадают, что выйдет. Надобно тебе знать, некий смельчак уже проложил дорогу на Свальбард, а Ракни задумал проверить, правдивы ли его рассказы и так ли велики и богаты новые земли... Ну что, ты не будешь просить, чтобы тебя выпустили на берег?

Тут к ирландцу подобрался другой человек. Широкоплечий, с длинными руками, способными, кажется, расколоть в щепы упругое корабельное весло, он был очень сутул – словно бы попытался когда-то поднять непомерную тяжесть, да разогнуться так и не смог. А

лицо у него было широкое и большое, но кто-то словно горстью собрал все его черты – нос, рот, глаза – в самую середину, оставив порядочно места по сторонам... Он не понравился Хельги с первого взгляда. Он и одет был заметно хуже других. Ни серебряной пряжки на поясе, ни запястья на левой руке... Он сказал:

– Брось морочить парня своим Свальбардом, Луг! Ты бы лучше объяснил ему, что того храбреца морехода зовут Вагн сын Хадда из Вика, и прошлой зимой его троюродный брат убил внучатого племянника Ракни на торгу в Скирингссале. Наш Ракни поклялся, что не забудет обиды. Он надеется повстречать Вагна на Свальбарде, куда тот сулился поехать. Вагн – лучший человек в том роду, и поистине велика месть, за которой едут столь далеко!

Ирландец Луг отозвался недовольно:

– Всё это так, Карк, но я-то не просил тебя рассказывать вместо меня. А ты, прыгун со скал, поди теперь к Ракни. Пусть он даст тебе весло.

Хельги поднялся, ища глазами вождя. Ракни сидел на корме, держа правило, и смотрел вперёд, поверх всех голов. Хельги шагнул к нему и услышал, как Карк проворчал:

– Больно велика честь для беглого, сразу сажать его на весло. Пусть бы сперва повожился с ведёрками в трюме, как мы!

Хельги остановился.

– За тебя сказать не могу, – ответил он Карку, – а я не раб и никогда не был рабом. И мне случалось не только грести на длинном корабле, но и стоять у руля!

Карк насмешливо покивал:

– Сперва зашей дыры на своей рубашке, свободный. Ты заслуживаешь, чтобы мы назвали тебя Скрюмиром – Хвастуном.

Корабельщики начали оборачиваться... Примолк на носу весёлый рассказчик, и даже игроки подняли головы поглядеть, что стряслось. Хельги сказал негромко:

– Ты подавишься этими словами. Или пускай не снесет меня ни крепкая палуба, ни конский хребет.

Карк-вольноотпущенник был вдвое больше него. Он не сразу поверил, что гибкий телом мальчишка осмеливался угрожать.

– Всыпь ему, раум! – засмеялся кто-то из викингов; кажется, это был Оттар. – Выкинь его рыбам, тогда, может, мы благополучней дойдём до Свальбарда и назад!

Они собирались развлечься, и, может, даже сам Ракни, занятый на руле, разок бросил взгляд на дерзкого новичка... Хельги не оглядывался по сторонам, он смотрел на Карка и ждал. Честь, это такое богатство, за которое не жаль умереть. Нельзя её ни подарить, ни отнять, можно лишь потерять или обрести самому...

Меч Карка лежал вместе с другими под палубой, в сундуке; но вдоль пояса висел тяжёлый боевой нож с длинным клинком и изогнутой рукоятью. В умелых руках такое оружие беспощадно. Карк поднялся и пошёл к Хельги, молча перешагивая через скамьи. У него были тёмные глаза, и в них тлел злой огонек.

Хельги дрожал всем телом и не мог унять эту постыдную дрожь. Она всегда поселялась в нём перед дракой и немедленно пропадала, как только доходило до дела. Нет, он не боялся. Он тоже был не совсем безоружен. Теперь настала пора испытать умение в деле. Только и всего.

– Ты, щенок, разговариваешь совсем как взрослый мужчина, – сказал ему Карк. – Вот и я, Тор свидетель, буду поступать с тобой как с мужчиной. Ты уж не обижайся.

Викинги снова засмеялись – эти слова всем пришлись по душе. Кулак Карка взмыл вверх, целя сопернику в подбородок, но Хельги успел увернуться, а потом прицелился и ударил ногой, как учил брат. Это была добрая наука. Карк взмахнул руками и грузно сел на скамью.

– Другие люди, – сказал Хельги, – давно уже поняли, что со мной следует поступать как с мужчиной. И не ты будешь называть меня щенком.

Карк, раздосадованный болью от удара и насмешками, выхватил нож и прыгнул вперёд. Хельги поймал его руку своими обеими. Надо было бы вывернуть её, но нынче у него просто не хватило бы сил. Он дернул к себе, заставив Карка потерять равновесие. Нож глубоко вошёл в плотное дерево, а сам Карк оказался у пригнувшегося Хельги на плечах.

Навалившаяся тяжесть почти сломала Хельги, как когда-то на отмели, когда он один сталкивал лодку, всосавшуюся днищем в мокрую глину, и ведь тогда у него не болело плечо... Всё же Хельги выпрямился, и быстро. Быстрее, чем можно про то рассказать. Карк, не успевший ни за что ухватиться, перевалился через подветренный борт. Его голова с беззвучно раскрывшимся ртом исчезла в серой, шершавой от дождя воде, быстро мчавшейся за корму. Ничего не поделаешь: трудно, имея за душой одну только силу, тягаться с прирожденным воином... Хотя бы и был этот воин очень ещё юн.

– Поворот!.. – скомандовал Ракни, и люди бросились по местам. Викинги никогда не бросают своих. Это закон.

Хельги выдернул из скамьи нож, рассудив, что никто не оспорит добытого в схватке. И направился назад, к рыжему Лугу, но Оттар окликнул:

– Эй, парень, поди-ка сюда! Садись, будешь моим сменщиком.

Его скамья была на самом носу, и Хельги понял, что удостоился чести. Здесь садятся храбрейшие: когда корабли сходятся для битвы, на носу опасней всего. Он пошёл к Оттару, нырнув под толстую шкаторину паруса, переползавшего с правого борта на левый. Корабль возвращался подобрать Карка, махавшего рукой из воды. Хельги сел рядом с викингом и спросил:

– Это ты предложил выкинуть его рыбам? Мне показалось, совет был неплохой.

Когда же Карку бросили верёвку с петлей и вытащили его на палубу, он немедленно нашёл глазами Оттара и Хельги, и Хельги увидел, как враз окаменело его лицо. Тогда он понял, что здесь, подле Оттара, сидел раньше именно Карк.

6. Вагн не будет прятаться от врагов

Корабль стоял на якоре возле скалистого мыса. Мореходы развели костры и приготовили ужин, а потом улеглись спать, натянув над скамьями полог из раскрашенной кожи.

Хельги знал, что завтрашний день не покажется ему лёгким, что надо выспаться, пока можно, пока не начался этот переход к Свальбарду, длящийся несколько суток... однако сон не шёл всё равно.

Мать рассказывала, как она увидела отца после того последнего боя. Отца принесли к кораблю на огромном гардском щите. Воины опустили щит наземь так осторожно, словно боялись кого-нибудь разбудить, и мать увидела, что лицо отца осталось почти спокойным, только у ноздрей и на груди запеклась чёрная кровь, да открытые глаза были такими, что лучше в них не заглядывать. И вот тогда она поняла, что чужой воин, которого она боялась девять дней и ночей, никогда больше не обнимет её, не проведёт ладонью по волосам... и жизнь, остававшаяся ещё впереди, эта долгая жизнь без него стала вдруг жизнью без радости и без счастья...

Хельги перевернулся на другой бок и вздохнул. Ему казалось порой, будто он всё видел собственными глазами. Объятый пламенем погребальный корабль, медленно уходящий под парусом по великой реке, и мать, горько плачущую на берегу оттого, что её не положили рядом с отцом...

А потом она родила на свет сына и стала отказывать всем, кто желал взять её в жены и породниться с халейгами. А сватались к ней все достойные и славные люди и, уж верно, не плохо жилось бы ей хозяйкой в каком-нибудь богатом дворе...

Было дело прошлой зимой на празднике Йоль, когда съели жертвенного кабана и плясали вокруг костров во дворе. Хельги думал тогда, что это был последний для него Йоль в Линсетре, и веселился от души... когда сзади вдруг послышался сердитый шёпот матери и мужской голос, произносивший:

– Много женихов ушло отсюда ни с чем, но от меня-то ты не отделаешься так просто.

Хельги обернулся, оставив Вальбёрг, с которой плясал. Там действительно стояла мать и с ней один из гостей, красивый и совсем не старый мужчина. Хельги знал, что ещё перед пиром он долго беседовал с матерью наедине, но не слышал о чем. Теперь его пошатывало от выпитого пива, и мать, не желая поднимать шум, тщетно пыталась выдернуть у него руку.

Хельги как на крыльях перелетел через костёр... Подоспевшие парни подняли неудачливого жениха и повели прочь, пока не разгорелась настоящая ссора. А мать подошла к Хельги и прижалась к нему, жалобно заглядывая в глаза, и ему показалось, что она впервые признала в нём своего защитника и надёжу, хотя Хельги давно уже стал выше её ростом и гораздо сильнее... Она впервые не выбранила его за то, что он ввязался в драку, где вполне могли покалечить. Вот ты и вырос, сынок. Теперь уже не я присматриваю за тобой и оберегаю, а наоборот. Зачем же ты так скоро вырос, сынок, зачем я не могу всю жизнь присматривать за тобой и оберегать!..

Он пойдёт с викингами на Свальбард. Он станет суровым героем, привычным к сражениям и к веслу и очень похожим на отца. Он думал об этом так, словно им предстояло вернуться через много-много зим, а не нынешним же летом... Все так, но ему отчаянно хотелось домой, в тихий Линсетр, и чтобы мать погладила по вихрам и назвала Мстиславушкой... А то ещё посидела с ним, как всегда, когда он был маленьким и болел...

Небось плакала теперь в жестоком отчаянии, потому что морские сторожа разглядели его прыжок с Железной Скалы и то, как Оттар втащил его на корабль. Не иначе, разыскала где-нибудь след и упросила Эйрика начертать крепкие руны, привлекающие удачу. Да поре-

зала палец и окрасила их, чтобы вернее помочь сыну в пути... Матери таковы: всю кровь по капле отдадут ради детей. Даже ради самых бездельных, от которых не дождешься толку ни нынче, ни потом.

Я вернусь, молча пообещал Хельги и пожелал, чтобы мать услышала его слова. Это бывает, люди слышат друг друга за много дней пути...

С тем он и уснул.

– Ты вот что, парень, – сказал ему Ракни конунг две ночи спустя. – Пореже бы ты называл себя Хельги, такие имена не для беглых рабов. И чтоб я больше не видел тебя возле форштейня. Ты ничем ещё не заслужил права стоять там и смотреть!..

Хельги больно хлестнули эти слова, но он промолчал: с вождями не спорят. А ведь он родился на корабле. На боевом корабле, где-то в датских проливах возле острова Хлесеи, когда братья отца возвращались домой из Гардарики. Стояла штормовая ночь, и брызги из-под форштейня окропили его, новорожденного, заменив чашу с водой, которую должен был взять в руки отец... Людям показалось, что неспроста это и из мальчишки, пожалуй, получится мореход...

Ракни и его викинги привыкли узнавать волка по волчьим ушам. Им ещё придется поверить, что внук Виглафа Ворона вырос не за жерновами и не в хлеву!

Попутный ветер совсем некстати затих, и пришлось взяться за вёсла. Хельги сидел на палубе, глядя на мерно работавшего Оттара, и не без трепета ждал, когда наступит его черёд. Он, конечно, знал, где у весла лопасть, а где рукоять. Он грёб на корабле дяди, когда тот приезжал в Раумсдаль. Но что значили эти выходы на полдня по сравнению с той долгой мужской работой, которая теперь его ожидала! Оттар грёб легко; сядешь после такого, и все сразу заметят, что корабль движется медленнее. А у Хельги ко всему прочему нещадно разболелось плечо, проткнутое стрелой. После насмешек Ракни он не стал его перевязывать, вот и приключился нарыв, поселилась противная дергающая боль... как грести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.